

сти", преслѣдуя ту же самую цѣль, успѣли открыть г. Лаврову столбцы своей газеты для выщшаго распространенія его статьи, и конечно, въ расчетѣ достигнуть той же цѣли, какую преслѣдовалъ и г. Лавровъ, полагая, какъ онъ самъ послѣ объяснилъ одному изъ русскихъ, проживающихъ въ Парижѣ, что правительство будетъ имѣть „слабость“ принять въ соображеніе газетную статью. Какъ извѣстно, ничего подобнаго не случилось. И вотъ, годъ спустя, тотъ же г. Лавровъ, по словамъ „Москов. Вѣд.“, печатаетъ въ женевскомъ изданіи „Вѣстникъ народной воли“, прямо противоположныя соображенія, а именно, что правительство, дозволивъ торжественное чествованіе памяти Тургенева, обнаружило тѣмъ слабость. Что же дѣлають „Москов. Вѣдомости?“—онѣ опять перепечатываютъ и это соображеніе, какъ соображеніе авторитетное и не допускающее никакихъ возраженій, и заключаютъ вопросомъ: „какъ вамъ все это нравится, милостивые государи? ошибались ли мы, раскрывая въ прошломъ году смыслъ демонстраціи на могилѣ Тургенева?“ Но что же приводится московскою газетою въ доказательство безопытности ея мнѣнія? Приводятся соображенія лица, которыя, значить, по мнѣнію „Московск. Вѣд.“ должны стоять выше всякой критики и принимаемы какъ изреченія, недопускающія и тѣни сомнѣнія,—и все это, разумѣется, только потому, что по убѣжденію газеты это можетъ произвести то же дѣйствіе, какое она желала произвести перепечаткою у себя другого письма г. Лаврова, и найти новую точку опоры въ аргументаціи противъ извѣстныхъ рѣшеній пр. сената.

Мы коснулись этого послѣдняго предмета выше и не будемъ возвращаться къ нему. Обратимъ лучше вниманіе „Москов. Вѣдомостей“ на тѣ мемуары какого-то „китайца о китайцахъ“, которые печатались недавно въ этой газетѣ, и безъ сомнѣнія она не даромъ дала у себя мѣсто этой оригинальной критикѣ новѣйшей европейской цивилизаціи, во многомъ дѣйствительно согласной съ передовыми статьями нашей газеты. Но тамъ есть одна глава, которая расходится во взглядахъ съ „Москов. Вѣдомостями“, и могла бы быть принята редакціею къ соображенію; это—глава о почитаніи предковъ, особенно тѣхъ, которые прославили свою родину. Вотъ, это, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ подражанія; да и въ западной Европѣ, мы съ трудомъ нашли бы другой примѣръ такого отношенія къ писателю, подобному Тургеневу, какой представила наша московская газета. Что бы ни говорили „Москов. Вѣдомости“, для какихъ цѣлей онѣ ни избирали бы память Тургенева, исторія русской литературы нынѣшняго вѣка, въ числѣ другихъ „предковъ“,